

Рассветные лучи пробивались сквозь резные оконные переплеты, бросая мелкие пятна света на парчовую подстилку птичьей клетки, когда Си Юй с трудом разлепил веки, выныривая из вязкого омута забытья. Веки казались налитыми свинцом, каждое движение отзывалось пульсирующей болью в висках, а горло пересохло настолько, что даже попытка сглотнуть слюну причиняла жгучую боль. Он попытался приподнять руку, чтобы потереть ноющие глаза, но мышцы оказались слишком слабыми — пальцы безвольно упали на подстилку, коснувшись холодной влаги. Это были следы ночного холодного пота.

Дверца клетки со скрипом отворилась, и в комнату ворвался знакомый ледяной холод. Тело Си Юя непроизвольно напряглось, дыхание замерло. Вошла Госпожа Цзинлю. В руках она держала белую нефритовую чашу с теплым отваром. Клубящийся пар скрывал выражение ее лица, но не мог скрыть жадного, почти ненасытного собственничества, полыхавшего в ее алых глазах.

— Очнулся — пей, — она протянула чашу к лицу Си Юя. Голос ее звучал буднично, будто она говорила о чем-то самом обыденном, но от этого не терпящего возражений тона у Си Юя по спине пробежал холодок.

Си Юй не шелохнулся, лишь отвел взгляд, уставившись на пол за прутьями клетки. Его голос, хриплый и едва различимый, дрогнул:

— Я... я не могу пить.

Это не было упрямством — у него действительно не осталось сил. В последние дни Госпожа Цзинлю словно утратила всякую меру: четырежды в день она заключала его в свои объятия, каждое из которых длилось по три часа. Поначалу он сопротивлялся, молил о пощаде, но со временем даже крики стали ему не под силу — осталась лишь онемелая покорность. Его тело давно перешло предел прочности: на бледной коже алели следы разной степени свежести, а девять пушистых хвостов, некогда полных жизни, теперь безжизненно волочились по полу, их шерсть потускнела, потеряв даже способность мелко подрагивать.

Брови Госпожи Цзинлю едва заметно дрогнули. Не убирая руки, она наклонилась и прижала край чаши к его губам. В нос ударил аромат лекарства — горький, но с едва уловимой ноткой целительной силы. Си Юй знал: этот отвар она готовит специально для него, чтобы поддерживать жизнь в его изможденном теле, не давая ему угаснуть в этой ежедневной череде истощений. Но эта забота казалась ему страшнее любой пытки: словно хозяин, старательно выкармливающий редкого зверя, чтобы лучше контролировать его и полнее утолять свои желания.

— Открой рот, — голос Госпожи Цзинлю стал ниже. Ее пальцы мягко, но властно сжали его подбородок.

Си Юй был вынужден подчиниться. Горький отвар стек в горло, вызвав спазм в желудке, но другая рука Госпожи Цзинлю легла ему на спину, не давая вырваться. Когда чаша опустела, она отставила ее в сторону и подхватила Си Юя на руки.

Он инстинктивно вцепился в ее одежду, дрожа от ужаса. Он знал, что последует дальше: три часа мучений, которые окончательно лишат его остатков сил, так что он не сможет пошевелить даже пальцем.

— Госпожа Цзинлю... умоляю... — со слезами в голосе прошептал он, не в силах сдержать рыдания. — Я больше... не выдержу...

Госпожа Цзинлю ничего не ответила. Она лишь отнесла его к мягкой тахте посреди комнаты и бережно опустила на нее. Ее пальцы скользнули по его бледной щеке с пугающей нежностью, но огонь в алых глазах не угас ни на миг.

— Придется выдержать, — негромко, но с непреклонной решимостью произнесла она. — Ты мой. Твое тело, твоё естество, все в тебе принадлежит только мне.

Си Юй закрыл глаза, и слезы беззвучно впитались в парчу тахты. Он чувствовал, как его накрывает ее тепло, несущее знакомый холод льда и обжигающий жар. Он хотел сопротивляться, но конечности казались ватными, безвольными, и ему оставалось лишь покориться ее рукам. Девять хвостов безжизненно свисали с края тахты.

Время тянулось бесконечно. Солнечные блики за окном сменились знойным маревом, а затем начали гаснуть, окрашиваясь в багрянец закатных облаков. Когда Госпожа Цзинлю наконец отстранилась, Си Юй был уже без сознания. Лишь слабое дыхание едва заметно приподнимало его грудь, словно сухой лист, готовый сорваться с ветки при первом порыве ветра. Его кожа горела нездоровым румянцем, лоб был покрыт испариной, а белоснежные короткие волосы слиплись от пота, придавая ему особенно жалкий вид.

Госпожа Цзинлю поднялась, укрыла его заранее приготовленным тонким одеялом и села рядом, поглаживая его хвосты. Движения ее были легкими, с едва уловимой осторожностью, словно она касалась хрупкого сокровища. Но собственничество в ее глазах лишь усиливалось. Она знала, как он страдает, знала, что это разрушает его, но не могла остановиться. Всякий раз, видя его беспомощность и чувствуя исходящий от него аромат, способный укротить ее собственную жажду разрушения, она теряла контроль.

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем Си Юй очнулся. За окном царил глубокая ночь. В комнате горел масляный светильник, отбрасывая длинную тень от фигуры Госпожи Цзинлю. Она все еще сидела у тахты, вытирая чистым платком холодный пот с его лба.

Си Юй не шелохнулся, молча глядя на ее профиль. В мягком свете лампы ее обычно суровые черты смягчились, и в ней промелькнуло нечто, похожее на нежность. Но эта нежность лишь усилила холод в его сердце: он понимал, что за ней скрывается бездонная пропасть контроля, из которой ему не выбраться.

Его тело слабело с каждым днем. Четыре пытки в сутки привели к тому, что даже питье и еда требовали помощи Госпожи Цзинлю. Он начал бояться пробуждения, ведь оно означало новый круг мучений и новую порцию истощения. Но он не смел уйти в вечный сон, храня в душе

крохотную искру надежды: он хотел снова увидеть Йоши, хотел спросить у матери, как ему выбраться из этого бесконечного ада.

Госпожа Цзинлю, словно почувствовав его взгляд, повернулась. В ее алых глазах мелькнуло сложное чувство: собственничество, жалость и даже искра растерянности, которую она сама не осознавала.

— Очнулся? — голос ее прозвучал мягче, чем обычно. — Тебе все еще больно?

Си Юй не ответил, лишь закрыл глаза и отвернулся к стене. Он не хотел больше видеть ее глаз, не хотел поддаваться ее влиянию. Он знал, что сейчас может лишь терпеть и ждать возможности, которая, быть может, никогда не наступит. Но искра надежды, дарованная Йоши, подобно упорному ростку, продолжала жить в почве его отчаяния.

<http://bllate.org/book/20757/2081638>